

Вестник
АЛЪЯНС-АРХЕО

Вестник
АЛЬЯНС-АРХЕО

2

Москва
Санкт-Петербург
2013

Вестник «Альянс-Архео». Вып. 2. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013. — 33 с.

ISBN 978-5-98874-089-6

Научно-исследовательское и издательское объединение «Альянс-Архео» начинает выпуск нового электронного издания, на страницах которого предполагается размещение материалов, посвященных рассмотрению представляющихся значимыми вопросов историографии, археографии и методики исторических исследований.

Редактор *С. Н. Кустерев*

*Вестник «Альянс-Архео» издается научно-исследовательским
и издательским объединением «Альянс-Архео»
и распространяется исключительно в электронном виде*

Я. Г. Солодкин

СУЩЕСТВОВАЛА ЛИ МОСКОВСКАЯ СЕМИБОЯРЩИНА?

(К интерпретации одного уникального известия
Хронографа второй редакции)

Кульминацией Смутного времени, пережитого Российским государством в начале XVII в., стало затянувшееся примерно на два с половиной года междуцарствие. После низложения Василия Шуйского 17 июля 1610 г. верховная власть оказалась в распоряжении боярства, — как часто считается, или Думы,¹ или комиссии из семи бояр.²

¹ См., напр.: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. 3. Т. 12. М., 1989. С. 138, 144, 147, 148, 164; *Платонов С. Ф.* 1) Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и словесных отношений в Смутное время). М., 1995. С. 295; 2) Смутное время. СПб., 2001. С. 435; *Дробленкова Н. Ф.* Новая повесть о преславном Российском царстве и современная ей агитационная патриотическая письменность. М.; Л., 1960. С. 19, 21–23; История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 2. М., 1966. С. 273–274; *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1978. С. 275, 283; *Абрамович Г. В.* Князя Шуйские и российский трон. Л., 1991. С. 172; *Назаров В. Д.* Что мы празднуем 4 ноября? // Мининские чтения. Труды научной конференции. Нижний Новгород, 2007. С. 224; *Козляков В.* Смута в России: XVII век. М., 2007. С. 298, 299, 306, 311, 313. Ср.: С. 300, 312.

² История Москвы. Т. 1. М., 1952. С. 329; Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в. — начало XVII в. М., 1955. С. 547, 548, 551. Ср.: С. 593; *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. С. 270. Примеч. 38; ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 544, 549, 587; *Тюменцев И. О.* Из истории избирательного земского собора 1613 г. // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 74, 75; *Скрынников Р. Г.* История Российская. IX–XVII вв. М., 1997. С. 417; Русские цари: 1547–1917. Ростов н/Д., 1997. С. 116; *Бохун Т.* Поляки в Кремле — факты и мифы // Мининские чтения. Труды участников международной научной конференции. Нижний Новгород, 2010. С. 84–87; Общественная мысль России в XVI–XVII вв. Т. 1. М., 2010. С. 506, 507, 544; *Харина Н. В.* Сведение с престола Василия Шуйского и подтвер-

О такой комиссии сообщается только в «русских» статьях Хронографа второй редакции, а также зависящих от них Иного сказания,³ нескольких «разрядов» Хронографа третьей редакции и ряда кратких летописцев.⁴ (По мысли В. И. Корецкого, В. Н. Татищев писал про Семибоярщину, следуя «Истории о разорении русском».⁵ Но это сочинение до нас не дошло, и вполне возможно, что о «беспутном правительстве»,⁶ сменившем у кормила власти «несчастливого» царя Василия, первый русский ученый-историк знал из Хронографа, которым располагал).

Как думалось С. Ф. Платонову, считавшему автора хронографических статей одним «из лучших наблюдателей того времени», «неясные фразы» публициста склоняют к выводу, что после низложения Василия Шуйского власть досталась думе, насчитывающей семь бояр, которых ученый и попытался определить, следуя документам. Семибоярщина, как не исключал С. Ф. Платонов, позднее являлась более многочисленной, чем поначалу.⁷

На взгляд Р. Г. Скрынникова, у истоков органа «боярской олигархии», возникшего с падением Шуйского, лежит забытая традиция XVI в., сложившаяся в 1533 г.⁸ Эту точку зрения, разделяемую

ждение гарантий судебной защиты прав подданных в нормативных актах «седемчисленного правительства» («семибоярщины») // История государства и права. 2010. № 21. С. 28, и др.

³ *Петрова О. И.* Боярское правительство в период Смутного времени // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв. Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. Ч. 2. М., 1990. С. 218–219.

⁴ *Попов А.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 244, 277, 412; *В[ерещагин] А.[С.]* Временник нарицается Летописец Российских Князей, како начаяся в Российской земли княжение и грады утвердишася. Вкратце написано // Труды Вятской губернской ученой архивной комиссии. Вып. 2. Вятка, 1905. Отд. II. С. 49; *Уо Д. К.* К истории вятского летописания // In memoriam. Сб. памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 317; РНБ. Эрмитаж. собр. № 22. Л. 25.

⁵ *Корецкий В. И.* История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М., 1986. С. 121.

⁶ *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 1. М.; Л., 1962. С. 367. Ср.: *Татищев В. Н.* История Российская. Т. 6. М.; Л., 1966. С. 342.

⁷ *Платонов С. Ф.* Очерки... С. 295–299. Указывая на переход власти с падением Шуйского к Боярской думе, исследователь писал и о «Совете бояр», «думе седмчисленных бояр» (Там же. С. 297, 299, 300, 306).

⁸ *Скрынников Р. Г.* 1) Самодержавие и опричнина. Некоторые итоги политического развития России в период опричнины // Внутренняя политика царизма (середина XVI — начало XX в.). Л., 1967. С. 91–92; 2) Московская семибоярщина // ВИ. 1973. № 2. С. 209, 213. Ср.: *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «смутного времени». М., 1981. С. 26.

некоторыми историками,⁹ убедительно опровергли А. А. Зимин и М. М. Кром.¹⁰ Вдобавок отметим, что в 1572 г., покидая Москву, Иван IV оставил ее на попечение князей Ю. Токмакова и Т. Долгорукого; столько же бояр должно было ведать столицей в 1585/86 г. на случай похода (который, впрочем, не состоялся) против Швеции и во время царской «богомольной» поездки 1588 г. (как нередко случалось и позднее); выступив в Серпухов в мае 1598 г., предположительно навстречу крымской орде, недавно избранный на трон Борис Годунов поручил управлять Москвой шести боярам, одному окольничему и одному думному дворянину, а царь Василий, отправляясь к мятежной Туле, старшим в «первоименитом граде» назначил брата Дмитрия,¹¹ т. е. Семибоярщина тогда не создавалась. Кроме того, о чем писал сам Р. Г. Скрынников, регентский совет при Федоре Ивановиче, образованный по воле Грозного, включал четверых его приближенных. Все бояре во главе с князем Ф. И. Мстиславским вместе с патриархом Иовом управляли страной в период междуцарствия начала 1598 г. (с момента кончины «блаженного Феодора» до избрания государем Бориса Годунова).¹²

В. И. Корецкому думалось, что после свержения Шуйского власть перешла в руки Боярской думы, «в просторечии семибоярщины».¹³

⁹ Иванов Ю. А. Проблемы освободительной и классовой борьбы в Русском государстве в 1608–1615 гг. // *Историографический сборник*. Вып. 12. Саратов, 1983. С. 113; *Бенедиктов Н. А., Бенедиктова Н. Е., Базурина Е. Н.* Словарь русской истории. Нижний Новгород, 1997. С. 496; *Шишкин И. Г.* Отечественная историография истории управления в Российском государстве конца XV — XVI вв. (1917 — начало XXI в.). Тюмень, 2009. С. 172–173.

¹⁰ *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 294, 295; *Кром М. М.* 1) Судьба регентского совета при малолетнем Иване IV. Новые данные о внутривластной борьбе конца 1533 — 1534 года // *Отечественная история*. 1996. № 5. С. 35; 2) «Вдовствующее царство». Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010. С. 61–63.

¹¹ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. 3. Т. 9. М., 1989. Стб. 117; *Попов А.* Изборник... С. 335; *Разрядная книга 1475–1598 гг.* М., 1966. С. 364; *Разрядная книга 1550–1636 гг.* (далее — РК). Т. 2. Вып. 1. М., 1976. С. 45, 149. Ср.: Там же. С. 150–152; Вып. 2. М., 1976. С. 355; *Козляков В.* Михаил Федорович. М., 2010. С. 170–173, 243. Ср.: *Седов П. В.* Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2008. С. 34, 35, 41, 242. Примеч. 231.

¹² *Разрядная книга 1550–1636 гг.* Т. 2. Вып. 1. С. 135, 135; *Скрынников Р. Г.* Россия... С. 10–11, 128, 134, 135. Вопреки мнению Р. Г. Скрынникова о существовании Семибоярщины летом 1585 г. боярский список этого времени отражает состав дворовых, оставленных в Москве на время царского похода в «Троицу», в том числе окольничих и выборных дворян. См.: [*Мордовина С. П., Станиславский А. Л.*] Вступительная статья // *Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г.* Ч. 1. М., 1979. С. 58–60.

¹³ *Корецкий В. И.* Подвиг русского народа в начале XVII столетия // *ВИ*. 1970. № 5. С. 157; Москва: Иллюстрированная история. Т. 1. М., 1985. С. 120.

Но думу никогда так просторечно не называли, тем более она всегда была значительно более многочисленной.

Порой Семибоярщиной в отличие от временного правительства 1610–1612 гг. считается особая комиссия Боярской думы, отказавшаяся удовлетворить притязания Лжедмитрия II на престол,¹⁴ что в историографической традиции обоснования не получило.

В. Г. Ананьев затрудняется решить, отражал ли термин, встречающийся в двух хронографических статьях (точнее, там говорилось о семи боярах, которые «прияша власть» «по обнажении царския диадимы», «сечьмочисленных» боярах),¹⁵ реальное количество членов временного правительства (исследователь склоняется к этому выводу) или же был «фигурой речи».¹⁶ В представлении В. Н. Козлякова, повествуя «о боярскомъ державстве Московского государства», анонимный публицист писал о наследниках царя Василия «в ироническом, а не в буквальном смысле. Возможно, выражение «сечьмочисленные бояре» «должно было подчеркнуть, что их было много и они не могли справиться с принятой на себя властью», и в таком случае «семибоярщину» следует рассматривать «в том же семантическом ряду, что и известная русская пословица про „семь нянек“».¹⁷ Видный историк, однако, не указывает, бытовала ли в то время эта пословица, зафиксированная в знаменитом «Толковом словаре» В. И. Даля.

Быть может, интересующее нас выражение, действительно, являлось «фигурой речи». Вспомним, что в Библии упоминается про «семь чаш гнева», согласно ей, евреи из Египта семь недель шли к горе Синай, где получили Тору. Цифра «семь» часто принимается за эпическую или сакральную. Согласно историческим песням, столько лет Иван Грозный осаждал Казань, и за это время русские устроили семь подкопов, — ровно столько, сколько турки, пытаясь овладеть Азовом, если верить Поэтической повести об «осадном сидении дон-

¹⁴ Российская государственность в терминах: IX — начало XX в. Словарь. М., 2001. С. 358.

¹⁵ ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. С. 348, 350. Оригинальна и встречающаяся в Хронографе редакции 1616/17 г. характеристика (думается, она свидетельствует о близости публициста к «верхам») царского брата боярина Д. И. Шуйского: воевода «сердца не храброго, но женьствующими обложена вещми, иже красоту и пищу любящаго» (Там же. С. 344).

¹⁶ Ананьев В. Семибоярщина. Кем были члены Боярского правительства: патриотами или изменниками? // Родина. 2005. № 11. С. 36.

¹⁷ Козляков В. Смута в России... С. 475. Примеч. 4. Заметим, что комментируя известие Нового летописца о четырех «синглификах», решивших пустить «литву» в Москву, С. В. Бахрушин и А. А. Новосельский назвали только И. Н. Романова, М. Г. и И. Н. Салтыковых (История Москвы. Т. 1. С. 327).

ских казаков».¹⁸ По словам Авраамия Палицына, через год после опричного разгрома Новгорода Москве «седмицею злейши ... разтление бысть».¹⁹ В глазах ряда русских книжников Царьград возник на месте, где располагались семь гор, отчего его нарекли Седмохолмым. В Ефросиновском хронографе читаем о семи временах.²⁰ С 1610-х гг. в России получила распространение «книга Дей римскихъ от древнихъ повестей, глаголемая Семь мудрецовъ, како избавиша в семь дней сына цесарева от семи смертей».²¹ В одном позднем хронографе семилетней представлена осада Пскова войсками Стефана Батория, продолжавшаяся в действительности четыре месяца. В Хронографе второй редакции подобно многим кратким летописцам сказано о семилетнем строительстве Белого (Царева) города в Москве,²² которое, если следовать другим источникам, оказалось отнюдь не столь длительным.²³ (Во многих источниках при описа-

¹⁸ См.: *Зимин А. А.* Из истории посадской идеологии XVII в. (Песни и легенды о взятии Казани) // Города феодальной России. Сб. статей памяти Н. В. Устюгова. М., 1966. С. 233; *Кучо О. Ю.* Азовская оборона 1641 г.: источники и ход событий // ОФР. Вып. 10. М.; СПб., 2006. С. 159. Примеч. 142. Ср.: *Раздорский А. И.* «Повесть о граде Курске» («Курский летописец») XVII в. // ОФР. Вып. 7. М., 2003. С. 149, 153.

¹⁹ Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 278. См. также: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 24. М., 1999. С. 34. Ср.: Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М., 1999. С. 600.

²⁰ *Творогов О. В.* Материалы к истории русских хронографов. I. Ефросиновский хронограф // ТОДРЛ. Т. 32. Л., 1977. С. 265, 266; ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 218, 260, 264, 266.

²¹ *Азволинская И. Д.* «Повесть о семи мудрецах» (датировка древнейших русских списков XVII в.) // ТОДРЛ. Т. 36. Л., 1981. С. 255, 258; ПЛДР. XVII век. Кн. 1. М., 1988. С. 192, 637. См. также: *Белоброва О. А.* К изучению «Книги избранной вкратце о девяти мусах и седмих свободных художествах» Николая Спафария // ТОДРЛ. Т. 30. Л., 1976. С. 310. В подметном письме 1708 г. о нововведениях Петра I говорилось, что «твой указ (в отличие от распоряжения Федора Алексеевича. — Я. С.) ни во что ставят, в семь лет не переведут» (*Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. 8. Т. 15–16. М., 1993. С. 331). Даже в одной хантыйской легенде утверждается, что «когда Ермак пришел в Айпово, ... семь шаманов собрались и сказали своему народу: „Дайте нам семь дней подумать!“» (*Степанченко В. И.* Казачьему роду нет переводу! Очерки истории казачества. СПб., 2001. С. 68).

²² *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Кн. 3. Т. 10. М., 1989. Примеч. 137; Летописные заметки за 7030–7137 (1522–1629) года // ЧОИДР. 1896. Кн. 4. Смесь. С. 2; *Вережагин А. [С.]* Современник... С. 43, 45; ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. С. 320; *Вовина-Лебедева В. Г.* Новый летописец: история текста. СПб., 2004. С. 183; РНБ. Q.XVII.17. Л. 463, и др.

²³ Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 2. Вып. 1. С. 55, 73, 80; ПСРЛ. Т. 14. М., 1965. С. 37; Т. 36. М., 1987. С. 139. Ср.: Т. 34. М., 1978. С. 197, и др. Согласно Повести об освобождении Москвы и Земском соборе 1613 г., накануне воцарения Михаила Федоровича соискателями престола являлись семь вельмож и князь П. И. Пронский (*Станиславский А. Л., Морозов Б. Н.* Повесть о Земском соборе 1613 г. // ВИ. 1985. № 5. С. 91, 94).

нии событий часто говорится о семи верстах, поприщах, днях, месяцах, летах, городах,²⁴ однако наверняка нельзя определить, вкладывался ли в эту цифру какой-то символический смысл или нет).

О. И. Петрова пришла к заключению, что вопреки показанию Хронографа редакции 1616/17 г., численность боярского правительства периода междуцарствия не оставалась постоянной.²⁵ Неизвестный «повестопиисец», впрочем, заметил, что бояре «точию два месяца власти насладишася». По его свидетельствам, умирая, Грозный назначил опекунами Федора Ивановича бояр Н. Р. Юрьева и И. П. Шуйского, вместе с константинопольским патриархом Иеремией в Москву прибыли митрополит и два епископа, после учреждения московского патриаршества в России появились четыре митрополита, во главе земских ополчений находились Д. Трубецкой, П. Ляпунов и И. Заруцкий, а затем К. Минин и Д. Пожарский. Публицист говорит о двух убийцах царевича Дмитрия и двух днях, проведенных на Котле крымским ханом, перечисляет многочисленных предков Василия Шуйского, называет три города, уступленные «ливонскими немцами» России при «освятованном» Федоре Ивановиче, и четыре, державших сторону московского правительства в пору его противостояния с лагерем «Тушинского вора». Автор заключительных хронографических статей, упомянувший про семь вселенских соборов, определяет продолжительность царствований Ивана Васильевича и его преемников, жизни Бориса Годунова и его сына Федора, а также оккупации Москвы, сообщает о хлебных ценах в годы великого голода при царе Борисе, поясняет, что такое четверик, осмина, и вместе с тем пишет о множестве (однажды бесчисленном) людей, многих (многочисленных) людях, поляках, воинах, мятежниках, полках, летах, городах, местах, «многодревной дубраве», третьем часу, первом, втором, четвертом, пятом летах царствования Шуйского. Кроме

²⁴ Летописные заметки... С. 2; *В[ерецагин] А. [С.]* Временник... С. 45; *Белокуров С. А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М., 1907. С. 11, 44; ПСРЛ. Т. 14. С. 51, 54, 113, 122, 142, 143, 145, 148; Т. 34. С. 244, 248, 255, 256; Т. 36. С. 137; Т. 37. Л., 1982. С. 174; Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 2. Вып. 1. С. 96, 239; ПЛДР. Середина XVI века. М., 1985. С. 326, 386, 440, 470, 478, 526, и др. Ср.: РИБ. Т. 13. СПб., 1909. Стб. 739; ЧОИДР. 1915. Кн. 2. Смесь. С. 26; *Тихомиров М. Н.* Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 228. Как читаем в Повести о разорении Углича, после литовского «разорения» 7117 г. он пережил семилетнее запустение, до обновления при Михаиле Федоровиче, но в 7127 г. (РНБ. Собр. Титова. № 2433. Л. 41, 45 об.). Однако воеводы в Угличе известны и за 1612–1618 гг. См., напр.: *Липинский М. А.* Угличские акты XVII века // Временник Демидовского юридического лица. Кн. 48. Ярославль, 1889. С. 1–61.

²⁵ *Петрова О. И.* Боярское правительство... С. 220. Ср.: *Общественная мысль...* Т. 1. С. 496. Комментар. 684.

того, в последней части Хронографе мы читаем о «больших боярах» и вельможах.²⁶ (Если верить создателю рассматриваемых статей — одного из самых ранних повествовательных сочинений начала царствования Михаила Федоровича, посвященных Смуте, Москва находилась во власти поляков и «литвы» два с половиной года. Точнее, почти столько времени длилось междуцарствие. Говоря о приглашении на русский престол Станислава, анонимный публицист, видимо, спутал королевича с гетманом Жолкевским, о котором в отличие от многих современников умалчивает).

Надо думать, автору последней части Хронографа представлялось, что московское правительство в течение своего лишь двухмесячного существования, действительно, состояло из семи бояр, и мы, стало быть, вправе говорить о такой численности «земледержцев» (по выражению сочинителя «Новой повести о преславном Российском царстве»)²⁷ относительно второй половины июля — сентября 1610 г.

²⁶ Попов А. Изборник... С. 185; РИБ. Т. 13. Стб. 1275–1276. Примеч. 15; ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. С. 320, 322, 326, 328, 330, 332, 336, 338, 340–356. См. также: Попов А. Изборник... С. 183. Признание автора хронографических статей обличителем бояр (Лихачев Д. С. Введение к чтению памятников древнерусской литературы. М., 2004. С. 245) кажется односторонним.

²⁷ ПЛДР. Конец XVI — начало XVII веков. С. 26, 46, 52. Ср.: С. 332: ПСРЛ. Т. 36. С. 144.

С. Н. Кистерев

СУЖДЕНИЯ С. Б. ВЕСЕЛОВСКОГО О ТАМОЖЕННЫХ КНИГАХ КАК ДОКУМЕНТЕ И ИСТОРИЧЕСКОМ ИСТОЧНИКЕ

Творчество столь серьезного историка, каким был С. Б. Веселовский, результаты исследований которого во многом не теряют своей актуальности по сей день, эпизодически становится объектом пристального внимания историографов, для кого исследователь был и остается одним из крупнейших специалистов в области истории землевладения и налогообложения в Русском государстве XIV–XVII вв., политических процессов, их отражения в административной практике, наконец, генеалогии господствующего класса того времени.

По естественным причинам использование С. Б. Веселовским такого массового источника как таможенные книги и его размышления по их поводу не рассматриваются в историографических работах,¹ поскольку сами таможенные книги редко упоминались на страницах трудов историка, а сколько-нибудь пространные рассуждения его об их особенностях как документов, характеризующих экономические явления русской жизни XVII в., вообще содержатся только в одной из самых ранних публикаций.² Тем не менее, некоторые замечания С. Б. Веселовского представляются весьма интересными и

¹ Даже в наиболее, на наш взгляд, обстоятельной из них: *Черепнин Л. В.* Степан Борисович Веселовский (Творческий путь) // История и генеалогия. С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 9–41. См. так же: *Тихонов В. В.* Московские историки первой половины XX века. Научное творчество Ю. В. Готье, С. Б. Веселовского, А. И. Яковлева и С. В. Бахрушина. М., 2012. С. 55–61, 110–118.

² Насколько можно судить по обзору архива С. Б. Веселовского, в нем также нет заметных следов исследования историком этого рода материалов (*Левшин Б. В.* Обзор документальных материалов фонда академика С. Б. Веселовского // АЕ за 1958 год. М., 1960. С. 259–266).

перспективными для специалиста, посвящающего свои досуги изучению данного вида исторических источников.

Занимаясь рассмотрением системы сбора такого специфического для русских условий начала XVII столетия налога как «пятина», С. Б. Веселовский обратил внимание на то, что его сборщики использовали в своей деятельности таможенные книги для оценки платежеспособности отдельных представителей торгово-промышленного населения страны. Не считая возможным пройти мимо этого факта, историк весьма критично отозвался о правомерности привлечения книг в названном качестве и, тем самым, дал их характеристику как источника для получения требуемых пятинщиками сведений, а значит и исторического источника для исследователей. «Не говоря о возможных уклонениях от записи товаров в таможенные книги, — писал С. Б. Веселовский, — и о пониженных оценках явленных товаров, таможенные книги никак не могли дать сколько-нибудь полные сведения ни о годовом обороте того или иного лица, ни, тем более, о его промысловом доходе. Все, что можно было сделать при помощи таможенных книг в лучшем случае, это констатировать отдельные факты обращения товаров вне всякой связи с общей деятельностью того или иного лица».³

Историк верно подметил фрагментарность содержащихся в таможенных книгах сведений о предпринимательской деятельности упоминаемых на их страницах лиц. И дело здесь, конечно же, не только и не столько в пресловутой неадекватности отражения в них объемов товарных масс, обращающихся на рынках, а в том, что каждая отдельно взятая книга характеризует лишь некое конкретное событие в деятельности предпринимателя — заключение частной торговой сделки, транспортировку товара, аренду или даже просто прохождение транспортного средства через какой-то пункт таможенного контроля и т. п. Даже процесс обращения одной и той же товарной партии в отдельно взятой книге только в исключительных случаях предстает в своем полном виде, куда чаще фиксируется либо начальная, либо заключительная его стадия для определенного торговца, хотя никогда нельзя быть уверенным, что эти стадии действительно являются таковыми, и товар каждый раз не выступает предметом очередной сделки перекупщиков.

Правда, стоит заметить, что маленькая неточность в приведенном суждении С. Б. Веселовского все же есть, а именно, в части отрицания возможности оценки промыслового дохода производителя. Дело

³ *Веселовский С. Б.* Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908. С. 47.

в том, что таможенная документация содержит сведения о сборе пошлин, уплачиваемых солепромышленниками при первичном поступлении соли в продажу. Требование уплаты таких пошлин содержится, например, в уставной таможенной грамоте г. Тотьмы 1622 г.: «А хто продаст соль на Тотъме варничную, и с тое соли с продавца имати пошлины с трех пудов по деньге, да с купца имати по полуденьге с пуда да припуску с рогожи по две деньги».⁴ Фиксация таких пошлин в таможенной книге позволяет судить об объеме произведенного продукта, что при наличии данных о его цене дает возможность представлять валовый доход производителя. Естественно, варничная соль в своей основной массе предназначалась к вывозу в другие регионы страны. Тотемская уставная грамота, предусматривая такую вероятность, постановляла: «А только тотмянин, купя соль, да отпустит с Тотъмы в ыной в которой город ни буди, и с тое соли у тотмича имати отвозу с рогожи соли по алтыну, а с ыногородцов по два алтына».⁵ Наличие соответствующих сведений в таможенной книге характеризует уже экспортную доходность отрасли в границах региона.

Эти частные замечания, тем не менее, не влияют на степень справедливости суждений С. Б. Веселовского или влияют в самой малой степени.

В продолжение историк писал: «Торговый человек мог испродать свой товар в одном городе, купить на вырученные деньги другого товара, отвезти его в другой город и продать там и т. д. Словом, его товары или их стоимость могли быть записаны в нескольких городах. Сверх того, он мог попасть в оклад своего города, так как выборные окладчики учитывали отъезжие и местные торги своих мирян. Вследствие этого часто происходило, что пятенщики, основываясь на выписях из таможенных книг, подвергали торгового человека двойному обложению, раз по месту торговли, а другой раз по месту постоянного жительства».⁶ Для нас в данном случае важно, что в представлении историка изолированное использование таможенной выписи или отдельной записи в таможенной книге для характеристики капитализации предпринимательского хозяйства недопустимо, поскольку необходимо видеть весь процесс превращения в руках торговца товара из покупаемого в продаваемый, чтобы иметь возможность сколько-нибудь точно судить о доходности его деятельности. Следовательно, обязательным становится привлечение таможенной

⁴ Кистерев С. Н. Нормативные документы таможенных учреждений городов Устюжской четверти конца XVI — начала XVII в. М., 2003. С. 152. № 104.

⁵ Там же.

⁶ Веселовский С. Б. Семь сборов... С. 47–48.

документации как минимум двух городов, в первом из которых товар был куплен, а во втором продан.

Особо важно замечание С. Б. Веселовского об использовании так называемых «товарных» денег, то есть полученных при продаже одного товара и потраченных при закупке другого. При явке к реализации товар облагался рублевой пошлиной. Все или в какой-то части вырученные деньги, потраченные на покупку нового товара, обложению той же пошлиной уже не подвергались.⁷ Тем самым, разница в объемах продаж и закупок показывает фиксацию прибыли от первой операции, то есть продажи изначально предъявленного товара. Вывоз товара в другой город сопровождался получением таможенной выписи, и реализация его в новом пункте была связана с необходимостью уплаты рублевой пошлины.

Даже с учетом повышения при продаже цены товара, а вместе с тем и суммы пошлины при реализации товарной партии, обложению фактически подлежала не сама эта партия, а, главным образом, потраченные на ее приобретение «товарные» деньги. Соответственно, вновь вырученные при продаже деньги, потраченные на закупку нового товара, как товарные, снова не облагались пошлиной, и т. д. Тем самым, при таком порядке операций при каждой второй сделке пошлины платились лишь с суммы, образовывавшейся вследствие различия цен.

Несколько иной порядок был при первичной закупке товара на привезенные деньги. С них при покупке платилась рублевая пошлина, при реализации товара в другом городе пошлина платилась уже с продажи, то есть две операции подряд подлежали рублевому сбору, и лишь в дальнейшем при условии использования «товарных» денег все сводилось к первому случаю, когда пошлины опять же с каждой второй сделки брались только с части выручки. Если же купец использовал выручку лишь для закупки товаров за пределами города, в котором он занимался их продажей, рублевую пошлину в полном объеме он был вынужден платить при каждом акте купли-продажи.

Очевиден вывод, что постоянное использование «товарных» денег сулило торговцам большие преимущества при непрерывности торговой деятельности каждого из них. Разумеется, объем пошлинных сборов включался продавцами в цену товара и напрямую не влиял

⁷ Например, в той же тотемской уставной грамоте записано: «А которые торговые люди иногородцы и тотменя, приехав на Тотьму с товаром, испродав товар свой, и на те деньги купят иной товар какой ни буди, и с тех пошлины не имати, потому что он платил пошлину с товаров» (Кистерев С. Н. Нормативные документы... С. 152. № 104).

на результаты их деятельности. Однако он влиял на объемы продаж, поскольку снижал платежеспособность тех из покупателей, кто являлся одновременно потребителем. И конечно же, в таких исключительных случаях, какими были сборы пятины, самым негативным образом через посредство того же увеличения цены мог сказаться на благосостоянии самого торговца, что и отмечено С. Б. Веселовским.

И исследователь специально неоднократно подчеркивал это обстоятельство. «Эти разорительные для торговых людей приемы, — писал он далее, — т. е. недопущение вычета долгов и двойное обложение, логически вытекали из свойства положенного в основу выяснения торгов материала — таможенных книг и выписей из них. Правительство и его агенты не имели возможности учесть в целом торги торгового человека и по необходимости брали отдельные моменты торговой деятельности, вследствие чего допущение вычета долгов становилось нелогичным и очень рискованным, а обложение только по месту жительства дало бы возможность многим людям совсем уклониться от пятины».⁸ Разрозненность, дробность таможенной документации, в том числе и в первую очередь таможенных книг, отсутствие механизмов сведения их данных в единое информационное поле делало книги весьма ненадежным источником сведений о состоятельности торгово-промышленного населения для правительства, как до поры, до времени оставляет их в том же качестве для современных исследователей. Особенно это относится к тем из последних, кто, вопреки очевидности, старается ограничиться в изучении «рынка» отдельно взятого города таможенными книгами, созданными в самом этом городе.

В виде примера укажем хотя бы на две книги А. И. Раздорского,⁹ в которых их автор намеренно не привлекал данные документации соседних с изучаемыми городов, отчего не увидел самого важного обстоятельства формирования и функционирования рынка — связей между производящим и потребляющим регионами. И совсем странным выглядят выводы о межрегиональных связях, основывающиеся на показаниях курских или вязьмских таможенных книг о приезде в Курск или Вязьму иногородних купцов без учета направления движения этих последних. Белгородец в Курск или смолянин в Вязьму мог приехать не только из своего родного города, но и из любого дру-

⁸ *Веселовский С. Б.* Семь сборов... С. 48.

⁹ *Раздорский А. И.* 1) Торговля Курска в XVII веке (По материалам таможенных и оброчных книг города). СПб., 2001; 2) Торговля Вязьмы в XVII веке (по материалам таможенных и кабацких книг города). СПб.; М., 2010. Ср.: *Мизис Ю. А.* Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII — первой половине XVIII вв. Тамбов, 2006.

гого, и тогда межрегиональные связи будут выглядеть совсем иначе, нежели при буквальном понимании текста документов, как это предстает в трудах А. И. Раздорского. Однако для этого-то и необходимо сопоставление данных книг разных, преимущественно, но не только соседних городов. Можно лишь сожалеть, что исследователю начала XXI века остается непонятным то, в чем не сомневался С. Б. Веселовский за сто лет до него.

А С. Б. Веселовский был уверен в недостаточности сведений таможенных книг даже нескольких соседних городов для реконструкции отдельных характеристик хозяйства предпринимателя. «Таможенные книги, главный и почти исключительный материал для выяснения платежеспособности торговых и промышленных людей, — писал он, — не могли дать представления о деятельности того или иного лица за целый год. Они констатировали лишь отдельные моменты деятельности, а в лучшем случае давали неполную сумму отдельных моментов. Таким путем приказ более чем через год труда выяснил по таможенным книгам разных городов торги Строгановых. Но то, что было возможно и целесообразно сделать относительно таких богачей как Строгановы, было немыслимо по отношению большинства торговых людей. Пятинщики пользовались таможенными книгами лишь некоторых, немногих ближайших городов. Притом к ним попадали в руки то выписи торгов за целый год, то за части года. И теми, и другими они пользуются безразлично. Вследствие этого, как общее правило, в основу пятины мог быть положен не годовой доход и не годовой оборот торгово-промышленных лиц, а отдельные части того и другого».¹⁰ Все та же разрозненность, фрагментарность сведений даже при условии наличия книг в их полном объеме, по Веселовскому, — основной недостаток таможенной документации данного вида. И спустя столетие нет оснований для серьезной корректировки вывода исследователя.

Однако дело не только в том, что сведения таможенных книг нельзя или трудно свести воедино. Заслуживает самого пристального внимания замечание С. Б. Веселовского о «долгах» торговцев, иначе говоря — о торговых операциях с использованием денежного или товарного кредита. На страницах таможенной книги каждый из участников товарного оборота выступает как бы самостоятельной фигурой, являющейся собственником предъявленного им товара, тогда как в реальности многие из фигурантов торговали с привлечением чужих средств. Естественно, что при таком образе действий торгует один, а прибылью или убытками вознаграждаются двое и более че-

¹⁰ Веселовский С. Б. Семь сборов... С. 55.

ловек, но эти партнеры записанного в таможенной книге купца остаются сплошь и рядом неизвестными. И С. Б. Веселовский обращает особое внимание на это обстоятельство, показывая порочность применявшейся пятинщиками практики оценки благосостояния торговца по фиксации его торгового оборота в таможенной книге или выписи, предостерегая современного исследователя от той же ошибки. Данных таможенной документации для выводов в этой области недостаточно, и крайне необходимо привлечение иных и самых разнообразных источников.

Разумеется, не все особенности таможенных книг как исторического источника привлекли внимание С. Б. Веселовского. Это попросту не входило в его задачу при изучении специфических форм налогов начала XVII в. Он не задавался вопросами достоверности представленных в них сведений, системы фиксации тех или иных данных о товарах и пошлинах, о реальности декларируемых ими действий таможенных служителей. Однако и после него эти вопросы частично остаются спорными, а частью и вовсе не рассматривались. И эти обстоятельства не лишают ценности те немногие замечания, которые были им сделаны и способны и ныне провоцировать движение исследовательской мысли.

С. Н. Кистерев

**К ХАРАКТЕРИСТИКЕ
НЕКОТОРЫХ ВОСПОМИНАНИЙ
ОБ АЛЕКСАНДРЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ ЗИМИНЕ**

Один из историографов относительно недавно заметил, что «история науки — это не только история научных идей и методов, но история людей. Забывая об этом, мы нередко получаем засушенную, бесцветную и схематичную картину, очень далекую от многосложной реальности происходившего на самом деле».¹ Полностью соглашаясь с данным тезисом и стараясь представить личности некоторых видных представителей советской исторической науки, находим, что, помимо официальных документов, личных дневников и эпистолярного наследия, одним из самых информативных кладезей сведений об этих людях являются воспоминания о них их же коллег.

Вероятно, прозвучит банальностью, что мемуары относятся к категории наименее достоверных исторических источников в силу непреодолимой субъективности их создателей при описании собственного прошлого. Еще более это относится к воспоминаниям о современниках, поскольку те, кому есть что вспомнить, состояли с героем своего повествования в некоторых отношениях, характер коих, так или иначе, оказывает влияние на содержание рассказов, оценку тех или иных жизненных эпизодов, даже стиль изложения.

Разумеется, читатель мемуаристики вправе ожидать куда большей объективности от представителей научного сообщества, тем более таких, как историки, для которых если не следование истине, то хотя бы стремление к ней является не только человеческим, но и профессиональным долгом. Посему для воссоздания образа одного

¹ *Каганович Б. С. Е. В. Тарле и петербургские медиевисты // Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2008. СПб., 2009. С. 25.*

из крупнейших историков XX столетия, чьи труды по преимуществу посвящены русскому средневековью, имеет смысл обратиться к воспоминаниям тех, кто имел возможность наблюдать жизнь человека и ученого непосредственно. Задача облегчается, прежде всего, тем обстоятельством, что часть таких мемуаров опубликована компактно, принадлежит представителям одного и того же поколения и появилась в свет в связи с 90-летием главного персонажа — Александра Александровича Зими́на.²

Естественно, что мы не считаем возможным говорить о собственно человеческих качествах А. А. Зими́на, считая это привилегией людей, хорошо его знавших. Нас должна интересовать личность ученого и проявляющееся к ней отношение мемуаристов. По этой причине далеко не все в их записках привлечет одинаковое внимание, а что-то и вовсе останется за его пределами.

Выглядит совершенно естественным в первую очередь обратиться к воспоминаниям такого патриарха советской исторической науки, каким был С. О. Шмидт, собственные занятия которого тематически отчасти пересекались с трудами А. А. Зими́на и для кого личность последнего не могла не быть интересной.

Рассказывая о том, с кем познакомился еще в пору студенчества, о внимании, которое привлекала фигура Зими́на со стороны старших коллег, его первых выступлений с докладами, С. О. Шмидт, в частности, приводит мнение своей сокурсницы, в самую начальную пору научной работы героя своих воспоминаний заметившей, что «кажется, у нас нарождается новый С. М. Соловьев». Мемуарист в связи с этим обращает внимание на впечатление, которое оказывал на студентов младших курсов Зими́н (С. 22). Этот отзыв стоит помнить, чтобы понять, насколько создавшееся впечатление в дальнейшем оправдалось в реальности.

Нельзя в записках С. О. Шмидта пройти мимо фрагмента, посвященного описанию кончины жены А. А. Зими́на — Анны Васильевны. «По дороге на кладбище, — пишет С. О. Шмидт, — мы стали выяснять какие-то спорные, недообсужденные им с Аней вопросы о русских закупах. Я старался каким-то образом отвлечь Сашу. ... И это мне больше всего запомнилось — путь, путь наукой, путь, полный планов и полный надежд на будущее» (С. 24). Возможно, кто-то ужаснется тем обстоятельством, что человек, выбирая место для могилы жены, рассуждает о древних закупах. На наш взгляд, в этот момент проявилась определенная черта характера Зими́на, которую

² Историк в России между прошлым и будущим. Статьи и воспоминания. М., 2012. Далее ссылки в тексте.

трудно назвать иначе, чем одержимость. По меньшей мере, из изложения С. О. Шмидта следует, что его тогда еще товарищ был способен пережить смерть близкого человека без того, чтобы это негативно сказалось на его научной деятельности.

Обращаясь к иному периоду, когда он и Зимин были уже преподавателями МГИАИ, С. О. Шмидт особо останавливается на эпизоде, часто привлекающем внимание историографов, — докладе о Слове о полку Игореве, и отмечает собственное несогласие с выводами докладчика, подчеркивая даже его торопливость. «...Он написал работу в виде доклада слишком быстро, — высказывает С. О. Шмидт свое мнение, — что вызвало, на мой взгляд, его неприятие людьми очень достойными. Нереально в течение нескольких месяцев написать крупную источниковедческую работу» (С. 25). Со своей стороны можем заметить, что вряд ли всем участникам обсуждения доклада было известно, сколько времени потратил на его написание Зимин, но признаем, что, «загоревшись» вопросом о Слове после выхода в свет сборника статей «Слово о полку Игореве — памятник XII века», предложить спустя всего несколько месяцев на обсуждение серьезную источниковедческую работу был способен только выдающийся ученый или человек безрассудный. Видеть в Зимине образец последнего не приходится, почему остается либо признать в нем черты первого, либо поискать иные причины отмеченной С. О. Шмидтом торопливости.

Несколько далее С. О. Шмидт касается и последствий поспешности Зимина в обнародовании своих выводов. «Над ним, — читаем у мемуариста, — устроили расправу, что стало фактом биографии не столько А. А. Зимина, сколько фактом истории руководства нашим общественным сознанием, историей общественной мысли. Думаю, что на Александра Александровича это очень подействовало: он изменился, стал не похож на того прежнего, которого я знал» (С. 25–26). Можно только пожалеть, что С. О. Шмидт не уточнил, какие и с чьей стороны действия он назвал расправой, и не поведал подробнее, в чем изменился Зимин, хотя по тону рассказа понятно, что это изменение, по мнению самого рассказчика, не было в лучшую сторону.

Только намеками ограничился С. О. Шмидт и характеризуя свои отношения с Зиминим в последующее время, хотя и подчеркивает свою роль в получении Зиминим звания профессора. «Много недоброго было сделано им в отношении меня. ... Мне не хотелось его видеть. ... Представил меня главным врагом, чего никогда на самом деле не было» — из этих замечаний немного можно понять, если ограничиться лишь ими, не привлекая каких-то иных источников. Конечно, отношения между двумя учеными могли бы и не привлекать пристального к себе внимания, если бы разлад случился не после

злополучного доклада и не пришлось бы подозревать отражения изменения характера Зимина и если бы работы обоих историков, повторимся, тематически не пересекались. Сказалось ли личное отношение Зимина к Шмидту на оценке в его работах трудов последнего, предстоит ответить будущим историографам, для которых параллельное изучение двумя специалистами некоторых вопросов истории эпохи Ивана Грозного не может не представлять особого интереса.

Воспоминания С. О. Шмидта, немногословные и фрагментарные, не столько раскрывают личность Зимина-ученого, сколько провоцируют вопросы, ответы на которые можно попытаться найти, в том числе, и в записках их современников. Среди них, конечно же, заслуживают внимания и воспоминания Н. И. Павленко, в которых находим несколько интересных замечаний.

Помня о взаимоотношениях Зимина со Шмидтом, следует обратить особое внимание на то место в тексте Н. И. Павленко, где он пишет: «Критика Зимина всегда была доброжелательной, как и отношение к сотрудникам сектора... По моим наблюдениям, Александр Александрович в секторе выражал недоброжелательное отношение лишь к одному сотруднику, пустому человеку в науке, лишенному исследовательских способностей, но, благодаря хорошо подвешенному языку и знатному предку, пользовавшемуся репутацией крупного ученого» (С. 29). Достоин сожаления, что автор не назвал имени этого ученого с репутацией, можно даже попытаться установить, кого Павленко имел в виду, но не это сейчас особенно важно. Куда более существенно то, что, на взгляд Н. И. Павленко, для Зимина отношение ученого к науке, его способность заниматься делом являлись фактором, обуславливавшим суждение о таком ученом. И коль о явно не блиставшем талантами сотруднике сектора мнение было откровенно отрицательным, то следует заключить, что в большинстве своих сослуживцев Зимин видел его противоположность, а это уже становится интересным для историографа.

Остановился Н. И. Павленко и на эпизоде доклада Зимина о «Слове о полку Игореве» — событии, которое, по его мнению, имело для докладчика «роковое значение» (С. 30). Мемуарист не преминул отметить, что обсуждение написанной Зиминим уже после доклада монографии проводилось по предписанию отдела науки ЦК КПСС и «нисколько не напоминало научной дискуссии, а заранее запланированное избивание ученого». Как виделось автору воспоминаний (тогда или в последнее время?), обсуждение даже носило некий секретный характер, а секретность «определялась еще и тем, что на заседание, где оно происходило, были допущены только лица, включенные в список». Сам Н. И. Павленко получил возможность ознакомиться с рукописью книги, когда Зимин дал ее ему «на одну ночь

под большим секретом» (С. 31). Доводы Зимина показались Н. И. Павленко неубедительными, что он не преминул поведать автору, о реакции которого, правда, в записках ничего не сказано.

Зато Н. И. Павленко решился предложить свой ответ на вопрос о мотивах, коими руководствовался Зимин, выступая с докладом. По его мнению, докладчик рассчитывал, что дискуссия примет исключительно научный характер, а ему в итоге «будет принадлежать новое слово о „Слове“» (С. 32). Разумеется, в данном случае мы имеем дело лишь с догадками мемуариста, однако не лишены оснований. Н. И. Павленко сообщает, что сам Зимин рассказал ему, что для доклада в Пушкинском доме выбрал «такое время, когда мой главный оппонент (Д. С. Лихачев) лежал в операционной. Представленные мною тезисы доклада я составил столь туманно, что никто не в состоянии был уяснить суть моего доклада. После его оглашения в аудитории установилась гробовая тишина — не было ни вопросов, ни выступлений, на том и разошлись» (С. 32). Не станем теперь выяснять, насколько нарисованная Н. И. Павленко картина отражает действительный ход событий. Однако нельзя не заметить, что рассказанное представляет Зимина не в роли ученого, стремящего возвестить коллегам результаты своих изысканий, готового к ведению дискуссии и способного воспринимать аргументы с ним несогласных, а в амплу некоего интригана, озабоченного лишь тем, чтобы оглушить коллег неожиданностью своих выводов, да еще и в отсутствие главного из возможных оппонентов. Впрочем, видимо, сам мемуарист этого не понимал, когда оценивал последующее после доклада обсуждение монографии как «судилище».

Весьма ценным является данное Н. И. Павленко описание поведения Зимина во время обсуждения книги: «Бледный, он сидел за столом, лихорадочно делая заметки с возражениями своим оппонентам, молча слушал их едкие замечания в свой адрес, чувствуя при этом одиночество...» (С. 31). Насколько можно заключить даже из этих слов, в восприятии Н. И. Павленко, почти никто из присутствовавших на обсуждении выводов Зимина не поддержал. Следует ли при этом думать, что за редким исключением всех участников сам Н. И. Павленко считал бесчестными соучастниками судилища, или видел в них справедливо отрицавших (как и он сам) верность изложенных в монографии Зимина положений, остается лишь гадать. Подозревал ли он, что среди не допущенных в зал мог найтись горячий сторонник Зимина, готовый отстаивать правоту коллеги, подобно упомянутому им двум специалистам из Литвы и одному из Ленинграда? Н. И. Павленко на сей счет оставляет читателя в недоумении, зато раскрывает суть репрессий, обрушившихся на Зимина после злополучного заседания: «Притеснения на А. А. Зимина обрушились сразу

после заседания. Он должен был отбыть в Болгарию на какой-то симпозиум в составе делегации, возглавляемой академиком Б. А. Рыбаковым, но его тут же вычеркнули из ее состава, и он стал невыездымым» (С. 31). Больше о репрессиях в отношении автора на шумевшей в некоторых кругах монографии ничего не говорится, что дает основания считать приведенный казус единственным, сохранившимся в памяти Павленко. А это позволяет составить представление о том страшном, что, в мнении не Зимина, а самого Н. И. Павленко, может именоваться «притеснением» и даже «опалой» (С. 32). Если в воспоминаниях С. О. Шмидта «расправой» выглядит само заседание, то у Н. И. Павленко «опала» следует за заседанием и выражается в отказе в праве на заграничные поездки, будто именно они являются непременным условием успешности работы ученого.

Рассказывает Н. И. Павленко и об отдаленных последствиях «опалы» Зимина. По его словам, он сам оказался пострадавшим, когда обратился к Б. А. Рыбакову по поводу перевода Зимина в сектор источниковедения Института истории СССР. Поскольку, в мнении Б. А. Рыбакова, «Зимин в монографии о „Слове“ показал себя никуда не годным источниковедом», перевода не последовало, но отношения ходатая с «мстительным академиком» испортились. Правда, несколько позднее произошла размолвка и с самим Зиминим, хотя автор записок и не указал ее причины. Добавляет ли рассказ что-либо к портрету Рыбакова-ученого, судить не беремся, но кое-чем дополняет сложившееся уже представление о самом Н. И. Павленко.

Странным образом оказывается, однако, что, несмотря на заверения в исключительно доброжелательном отношении А. А. Зимина к своим коллегам, уже второй из мемуаристов сообщает о собственных размолвках, способных дойти до враждебности. Поскольку причины в обоих случаях остались не названными, невозможно по одним лишь кратким упоминаниям судить, кто был виновником происшедшего.

Подробно на эпизоде, связанном с дискуссией вокруг «Слова о полку Игореве» остановилась и К. А. Турок-Попова, заметившая, что «нашим академиком» Д. С. Лихачеву и Б. А. Рыбакову, опиравшимся в своих исследованиях на «Слово» как памятник XII в., «признание правоты Зимина было бы ... крайне неудобным, и они резко ополчились против него» (С. 593). Мы не в праве ожидать от далекой от проблем истории древнерусской литературы К. А. Турок-Поповой позиции, основанной на понимании существа дела. Здесь важно иное: оппоненты Зимина как бы не рассматриваются в качестве сколь угодно серьезных специалистов, способных к вдумчивому отношению к чужим выводам и готовых отстаивать собственные просто в силу того, что их не убедили в обратном, что они не согласны, не

могут, как исследователи, принять положения, на их взгляд, необоснованные и даже ложные. Мемуарист сразу указывает причину отвержения ими построений Зимина, и причина эта выглядит откровенно корыстной. В то же время, говоря о собственном знакомстве с работой Зимина о Слове, автор воспоминаний замечает, что ей рассуждения Зимина «показались убедительными», организация дискуссии — возмутительной, а сам Зимин — заслуживающим сочувствия. Следующее тут же указание на установление с этого момента тесных дружественных отношений между четой Турок и Зиминим позволяет думать, что они возникли именно вследствие проявления этого сочувствия, особенно если принять во внимание, что к тому времени они были знакомы около двух десятилетий. Следует ли из этого, что Зимин с некоторого часа искал друзей, исходя из критерия степени сочувствия ему в ситуации со «Словом»? И не находил ли он, пользуясь тем же критерием, врагов? И, что важно для будущего историографа, не связывалось ли, о чем уже выше замечено, его восприятие работ коллег с их отношением к его позиции?

Данные вопросы не являются проявлением досужего любопытства хотя бы в связи с замечанием той же К. А. Турок-Поповой о положении Зимина после обсуждения его книги: «После этого ученый среди историков своего профиля стал „персоной нон грата“, и это ему сразу дали почувствовать: перестали выдвигать его на звание члена-корреспондента» (С. 593). Здесь сказано об отношении к Зимину неких, опять же не названных по именам, историков, видимо, влиятельных в административном плане, но, к сожалению, не упомянуто об ответной реакции Зимина. Брошенное мемуаристом замечание не позволяет высказывать даже догадки. О решении каких-то инстанций выдвинуть Зимина в члены-корреспонденты АН СССР Туроки могли знать и от него самого, и из иных источников. То же касается и отказа тех же инстанций от своих намерений. А если бы источником осведомленности мемуариста был сам Зимин, то это хоть как-то проявило его отношение к коллегам через отношение к почетному званию. Воспринимать же выражение «персона нон грата» как восходящее к словам Зимина нет оснований, оно может отражать собственное восприятие Турок-Поповой происходившего, ее эмоции без соответствующего осмысления, ведь Зимина не изгоняли из ученой среды, его просто не возвышали в ней. Правда, остается все же и обратная вероятность: автор воспоминаний лишь передает услышанное от Зимина и почти его словами.³ Неконкретность повество-

³ Такую возможность следует допускать хотя бы потому, что, не принимавшая в силу возраста участия в каких-либо заседаниях, К. Г. Межова в собственных записках замечает: «Семнадцать лет оставалось еще жить Александру Александровичу.

вания лишает возможности, опираясь на него, делать определенные выводы.⁴

Однако замечание мемуариста о собственном возмущении способом организации обсуждения книги о «Слове», если не подозревать его в неискренности или неразумии,⁵ кажется, показывает, что Зимин не сообщал своим друзьям того, что он поведал Н. И. Павленко о собственных ухищрениях с докладом в Пушкинском доме. Нам думается, что действия Зимина, стань о них известно К. А. Турок-Поповой, если бы и не вызвали возмущения с ее стороны, то остерегли бы от выражения сочувствия ему. Впрочем, не вызвали же они порицания у Н. И. Павленко.

Одно место в тексте К. А. Турок-Поповой не может не привлечь особого внимания. «Когда я узнала поближе Зимина, — пишет мемуарист, — у меня создалось впечатление, что его осторожность в высказываниях объясняется не только его добросовестностью как ученого, но и в какой-то мере опасением проработок. Это немудрено. Пусть те, кто не сформировался в период сталинизма, считают подобные страхи чрезмерными» (С. 597). Это не изложение факта, но выражение собственного впечатления. Видимо, фактом должно быть

И все эти годы „ученый мир“, такой зависимый от власти, не мог простить ему независимого смелого мнения. Стать „выездным“, стать академиком А. А. Зимин уже не мог» (С. 674). В этих строках соединены ремарка Н. И. Павленко об исключении из делегации в Болгарию и указания К. А. Турок-Поповой о несостоявшемся продвижении в члены-корреспонденты. Узнала ли К. Г. Межова, ставшая в 1967 г. студенткой А. А. Зимина, такие частности от него или много позднее усвоила это из чужих рассказов? Обе возможности исключить нельзя.

⁴ Есть основание думать, что отказ неких неизвестных от продвижения А. А. Зимина в члены-корреспонденты АН должен был соответствовать его личным установкам, о которых становится известно из цитируемых другим мемуаристом — В. Д. Дмитриевым — слов Зимина: «Настоящий научный работник не должен работать администратором, не должен полностью отдавать себя педагогической деятельности. Я ни за что не соглашусь даже быть в нашем институте заведующим сектором, работать на полной ставке профессора вуза» (С. 641). Следовательно, в представлении самого Зимина, отказ от идеи выборов его в члены-корреспонденты, неминуемо бы повлекшее за собой какую-то административную должность, не выглядел каким-то наказанием, возмездием за совершенное. Следует ли думать, что выборы А. А. Зимина предполагались без его согласия? Или Зимин придерживался приведенного В. Д. Дмитриевым мнения только много позже?

Интересным кажется выражение «не должен» в пересказанном Дмитриевым суждении. Означает ли это, что «настоящими научными работниками» его собеседник считал лишь сотрудников соответствующих учреждений, не принуждаемых затруднять себя иными, чем «научная», видами деятельности? Ясно другое, сам А. А. Зимин, видимо, расценивал собственное положение как близкое к идеалу.

⁵ Заметим, что, по собственному признанию автора записок, Туроки на заседании не присутствовали (С. 602).

сказанное далее: «Сам Зимин, подходивший к себе всегда с самыми высокими моральными требованиями, осуждал эту, порожденную сталинскими временами, известную нерешительность действий». В какой степени это относится к содержанию трудов Зимина, появлявшихся в печати на протяжении нескольких десятилетий, на различных этапах советской истории? Проявлялась ли осторожность только в высказываниях или в умолчаниях тоже? Ведь некоторые высказывания в один период, казалось бы требовали публичного отказа от них в следующем. И что означает отсутствие такой публичности? Нам представляется, что такие вопросы могут и даже должны задаваться при изучении деятельности не только Зимина, но и многих его коллег, и дело не ограничится простой ссылкой то ли на добросовестность ученого, то ли на исторические условия.

Может быть, кому-то покажется, что не стоит касаться твердости моральных устоев того или иного ученого, но невозможно сомневаться, что нельзя не задаться вопросом о проявлении этих устоев в его работе. Для этого нужно серьезно анализировать многие материалы, в том числе и, к примеру, включенное в мемуары К. А. Турок-Поповой стихотворение самого Зимина, в котором автор сам себя осуждает за неспособность всегда говорить искренне и открыто («Не мог раскрыть я рта в защиту оскорбленных»). По поводу этого фрагмента мемуарист замечает: «...,Раскрытие рта“ никому никакой пользы не принесло бы, а самому ему грозили бы серьезные неприятности» (С. 599). Следует ли думать, что в данном случае возможными грядущими неприятностями автор записок готова оправдать непотребление злу не то что насильем, но даже словом, остается лишь гадать. Более важно для нас другое: оценка себя как неспособного к защите оскорбленных сочеталась ли с такой же или противоположной оценкой своей готовности отстаивать научную истину? Распространялось ли суждение о Л. В. Черепнине как о человеке, которого должна мучить совесть (С. 597), на себя самого? Или, вопреки известному тезису о необязательности быть поэтом, но обязанности быть гражданином, выражение гражданского долга оставалось в виршах, а в печатных ученых трудах довела осторожность, обусловленная страхом проработок? Сказанное не есть мнение, но лишь вопросы, без решения которых создание портрета Зимина-историка, как и всякого другого ученого, невозможно. Воспоминания К. А. Турок-Поповой в этом отношении не помогают, поскольку касаются лишь позиции в деле защиты оскорбленных, в число которых научная истина не вошла.

Несколько последних страниц в записках К. А. Турок-Поповой посвящены не столько Зимину, сколько его «врагам», друзьям и ученикам, а также общей оценке персонального состава АН СССР. О послед-

нем она пишет: «У нас в академики или члены-корреспонденты часто приходят разные начальники на научной ниве, нередко бездари, или же зятя важных персон, или родственники таких зятев, или же безвредные посредственности, когда надо заблокировать выбор одиозных, но усердно поддерживаемых „свыше“ фигур» (С. 605–606). Не беремся судить, насколько сказанное соответствует реальности, тем более, что в состав академии, вроде бы, выбирают и никто самостоятельно, без содействия облеченных званием достойных ученых туда придти не может, понимаем лишь, что к А. А. Зимину в ситуации начала 60-х годов это не относилось бы.

Нетрудно заметить, что каждый автор воспоминаний о Зимине уделяет особое внимание ситуации с обсуждением монографии о «Слове о полку Игореве», совсем мало или почти ничего не говоря о других его работах, будто наследие историка ограничивается одной единственной книгой. Ю. А. Поляков вообще свои мемуары посвятил только этому обсуждению.

По его словам, он получил рукопись в апреле 1964 г. из рук самого Зимина, прочитал быстро и не был убежден его аргументацией. При этом мемуарист обронил фразу, на которой нельзя не задержаться: «Саша несколько не обиделся, быть может, он уже привык выслушивать несогласия» (С. 607). Замечал ли Ю. А. Поляков, что в других случаях его собеседник реагировал иным образом, обижался на несогласного с его мнением и лишь сложившаяся в данном случае привычка обусловила лояльность к отзыву? Или сказанное не столько относится к Зимину, сколько отражает обыкновенное для самого Полякова, когда ему приходилось встречать нелюбезную критику его работ? Возможно, что мемуарист здесь выразил обычное, с чем он сталкивался, общаясь с коллегами, склонными болезненно воспринимать нелестные отзывы о своих трудах. Текст не позволяет придти к однозначному заключению.

Прежде, чем описывать свои впечатления о заседании, Ю. А. Поляков поясняет мотивы, подвигнувшие его выступить со своим свидетельством: «Я взялся за перо по данному поводу лишь по одной причине: напомнить об обстановке, в которой проходило обсуждение, напомнить о вынесенном уроке, руководствуясь мыслью — дискутировать не значит обвинять, спорить не значит наказывать» (С. 608). И тут же поясняется, почему речь идет о наказании: «С самого начала было понятно: обсуждение организовано не для того, чтобы высказать различные точки зрения, привести новые, усилить старые аргументы, сопоставить взгляды, а для того, чтобы осудить Зимина, закрепить уже одобренную академическим начальством оценку. Создать впечатление единодушия, показать всем: это мнение коллектива. Для ученого это наказание» (С. 608). Если правильно понимаем, на-

казанием Ю. А. Поляков считает одиночество в коллективе, поддерживающем позицию академического начальства. Истории известны случаи более серьезных «наказаний», а описанное Ю. А. Поляковым представляется существенным для того, кто дорожит мнением о себе такого «коллектива», состоящего из считающих себя учеными, но склонными больше думать не о защите научной истины, а о страховке себя от начальственного гнева. Выраженное Ю. А. Поляковым мнение о «наказании», однако, является его личным, но не может быть приписано Зиминому, позиция которого на сей счет остается непроясненной.

Зато дальнейшее изложение показывает, что первоначальный план «академического начальства», видимо, не был претворен в жизнь. «Мнения участников обсуждения, — читаем далее, — были весьма многообразны. Многие знатоки выражали несогласие с Зиминым, отмечали спорные и неясные места, говорили о необходимости дальнейших дискуссий» (С. 610). Отмеченное мемуаристом многообразие мнений, высказывавшихся на заседании, никак не может свидетельствовать о заранее заданном тоне обсуждения работы. Если исходить из сказанного Ю. А. Поляковым, то создается впечатление, что отнюдь не все его коллеги спешили поддержать стремления «начальства», даже если у последнего они и наличествовали. То ли участникам заседания забыли сообщить, чего от них ожидали, то ли многие из них посчитали возможным высказывать свое собственное мнение. Исходя из этого, несколько нелогичным выглядит читающееся в тексте мемуаров «Но Рыбаков устроил не обсуждение рукописи Зимина, а суд над Зиминым» (С. 610). Кажется, более верным выглядело бы допущение, что Б. А. Рыбаков лишь пытался устроить суд, но ему это не удалось. Впрочем, оговоримся, что так дело выглядит с опорой на текст Ю. А. Полякова, но вовсе не обязательно было именно так в реальности.

Необходимо еще и помнить о собственном мнении Ю. А. Полякова о Б. А. Рыбакове, которое могло отразиться на восприятии им событий в момент их совершения или десятилетия спустя, когда представился случай высказаться по их поводу. «Большинство участников имели свое мнение, — утверждает автор. — Зимин и немногочисленная группа его сторонников, разумеется, твердо стояли на своей позиции. Непримиримые, ожесточенные противники во главе с Б. А. Рыбаковым и Д. С. Лихачевым, которые, отнюдь не любя друг друга, в данном случае выступали как союзники, вели себя агрессивно. Конечно, Д. С. Лихачев, будучи дипломатом и человеком, на мой взгляд, неискренним, вел себя мягче, зато Рыбаков показал свою истинную природу. Сталкиваясь с ним более 50 лет, я хорошо понял его сущность. Рыбаков был ксенофобом, но умело создал образ рыцаря, борца

за правду, грубоватого, но откровенного ученого. Завистливый и неталантливый, он невзлюбил, в частности, Зимина, человека яркого и способного. Дело со «Словом» дало ему возможность уничтожить потенциального соперника и показать себя принципиальным, твердым защитником истины» (С. 610). Следовательно, согласно тексту Ю. А. Полякова, у Б. А. Рыбакова, «ксенофоба» (что бы это значило в данном контексте?) и бездари, заранее сложилось мнение о Зимине как о сопернике (непонятно, в чем?), а неожиданное выступление с докладом о «Слове» лишь использовалось для расправы с опасным талантом. Непримируемость противников Зимина наталкивалась на непримируемость группы его сторонников, сложившейся заранее, благодаря стараниям самого автора найти себе единомышленников, ознакомив их с содержанием своей рукописи. Подготовке Б. А. Рыбакова и Д. С. Лихачева к заседанию сопутствовала подготовка к нему же Зимина. Тем не менее, большинство присутствовавших все же имели свое мнение, что могло стать известным Ю. А. Полякову лишь постольку, поскольку они его не скрывали.

Так видятся события при чтении воспоминаний Ю. А. Полякова, но при том же процессе почти невозможно представить образ поведения А. А. Зимина, если, конечно, ограничиться лишь читаемым текстом.

Мы остановились лишь на некоторых из воспоминаний, опубликованных в одном единственном издании и принадлежащих сверстникам А. А. Зимина, памятуя, что представителям младшего поколения, большей частью принадлежавших к числу учеников ученого, не только труднее обозреть всю его жизнь, но и, по понятным причинам, соблюсти желательную объективность.⁶

Подводя итоги предпринятого обозрения, с удивлением обнаруживаем, что прочитанные мемуары крайне бедны сведениями, позволяющими судить об облике главного их героя как ученом, посвятившим, как и мемуаристы, свою жизнь науке. Знавшие Зимина еще на студенческой скамье передают некоторые детали, из которых никак не складывается общее представление о том пути, который прошел студент и аспирант, превращаясь в признанного специалиста-историка. Никто из них не оказался в состоянии или не пожелал поведать о встречах с исследователем на его подлинном рабочем месте — в залах библиотек или архивов, чтобы читатель мог попытаться увидеть

⁶ В связи с этим кажется отчасти справедливым сказанное В. С. Мингалевым: «Более правы те, кто считает, что время объективной оценки научного вклада Зимина еще не наступило и пусть лучше этим позднее займутся другие» (С. 693–694). Справедливым, поскольку этим должны заниматься «другие», из чего не следует, что время этих «других» еще не наступило.

Зими́на за работой по подготовке осуществленных им многочисленных публикаций исторических источников. Единственный эпизод в записках Н. Н. Покровского (С. 612) не касается собственно процесса изучения Зиминым рукописи. За исключением общих, неконкретных замечаний трудно представить себе, основываясь на тех же материалах, Зими́на в обстановке обсуждения какой-либо научной проблемы. Ни одного примера, ни одной темы или фамилии того, кто спорил с Зиминым или кому тот оппонировал.

Можно, конечно, сказать, что повседневная работа историка не отличается внешними эффектами, невидна, оставаясь по преимуществу процессом мыслительным. И все же какие-то ее проявления отметить иной раз тоже можно. Видимо, мемуаристам это не удалось, или у них и не было такого стремления.

Тем самым, упомянутые воспоминания не позволяют представить Зими́на как историка, способного не только постигать истину в той мере, насколько это вообще доступно человеку, но и отстаивать ее, насколько это составляет первейший долг ученого.

Все мемуаристы так или иначе коснулись эпизода обсуждения книги Зими́на о «Слове о полку Игореве», кто-то даже рассказал об обстоятельствах его доклада в Пушкинском доме. Это, пожалуй, единственные ученые заседания, о которых вспоминаявшие позволили себе привести хотя бы какие-то подробности. Возникает впечатление, что некоторые детали описаны лишь постольку, поскольку уже оказались опубликованы многие документы, но в них было бы бесполезно стараться найти то, что могла бы донести память живого свидетеля. Однако эти свидетели предпочли по какой-то причине ограничиться общими замечаниями, дружно выделив злых демонов Б. А. Рыбакова и Д. С. Лихачева, организовавших «избиение ученого», но не дав внятного объяснения способа и сути этого избиения.

Расплывчатость описания, неконкретность сведений — как кажется, общая черта рассмотренных записок. И важно отметить, что составлены они людьми, по-разному относившимися к Зимину: одни были его друзьями, но не являлись специалистами в тех вопросах, которыми он занимался, другие, достаточно хорошо ориентируясь в тематике работ Зими́на, напротив, в какой-то момент оказались с ним в сложных до враждебности отношениях. Последнее особенно примечательно, поскольку остается неясным, почему именно такого рода коллеги не сумели сохранить добрых связей со специалистом, значение большинства трудов которого им, вроде бы, изначально было понятно.

Таким образом, на наш взгляд, прочитанные мемуарные сочинения сами по себе крайне бедны как источники о научной деятельности

А. А. Зимина и обстановке, в которой эта деятельность проходила. Однако они могут оказаться весьма полезны в другом качестве.

Разумеется, всякие воспоминания, пишущиеся о ком-то, являются одновременно записками о себе. И в этом отношении рассмотренные тексты должны представлять существенный интерес для исследователей, которые пожелают заняться изучением положения, существовавшего в отечественной исторической науке второй половины XX века и даже начала текущего столетия. Эти мемуары, будучи посвященными одной незаурядной личности, содержат куда более обширный и интересный материал для суждения о многих современниках А. А. Зимина, их отношении к науке, к системе управления ею как отраслью, наконец, об их способности соответствовать статусу ученого как в проводимых ими исследованиях, так и в повседневной жизни.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЕ — Археографический ежегодник
ВИ — Вопросы истории
ОФР — Очерки феодальной России
ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией
РНБ — Российская национальная библиотека
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
ЧОИДР — Чтения в обществе истории и древностей российских

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Солодкин Я. Г.</i> Существовала ли московская Семибоярщина? (к интерпретации одного уникального известия Хронографа второй редакции)	3
<i>Кистерев С. Н.</i> Суждения С. Б. Веселовского о таможенных книгах как документе и историческом источнике.	10
<i>Кистерев С. Н.</i> К характеристике некоторых воспоминаний об Александре Александровиче Зимине	17

Научное издание

ВЕСТНИК
«Альянс-Архео»

Вып. 2

Редактор
С. Н. Кистерев

Научное издательство «Альянс-Архео»
Главный редактор издательства *О. Л. Новикова*
Художник *Ю. П. Амбросов*
Компьютерная верстка и дизайн *Р. К. Жумабаев*

ООО «Альянс-Архео»
105043, Москва, ул. Первомайская, д. 40/19, оф. 38
тел./факс:
— в Москве (499) 165-31-87
— в Санкт-Петербурге (911) 254-74-40
E-mail: aarheo@mail.ru

